

Ю.А. Лайус

МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ, РЫБНЫЕ РЕСУРСЫ И РАЗВИТИЕ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ В РОССИИ НАКАНУНЕ, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кооперация в европейских морских рыбохозяйственных исследованиях накануне Первой мировой войны

По общепризнанному мнению, судьба Международного совета по исследованию моря (International Council for the Exploration of the Sea — сокращенно ICES, в русском варианте ИКЕС) очень успешна. В отличие от многих других международных организаций, Совет благополучно пережил Первую мировую войну, увеличил число своих членов, особенно после Второй мировой войны, и, несмотря на возросшее количество международных организаций, занимающихся исследованием и эксплуатацией морских ресурсов, до сих пор остается одной из самых влиятельных среди них.

Международная кооперация в сфере морских исследований была задумана и оформлена на рубеже XIX–XX вв., в период, известный всплеском оптимизма и верой в возможности и силу науки. Этот период характеризуется расцветом международной кооперации во многих областях¹. Очевидно, время появления и степень международной кооперации в той или иной области науки зависят, по крайней мере, частично, от объекта этой науки. Представители наук о Земле объединялись, по-видимому, раньше других ученых. Одной из первых дисциплин, достигших международного оформления, была метеорология, в конце XIX в. в международную ассоциацию объединились геодезисты, чуть позднее — сейсмологи.

Кроме кооперации в смежных областях науки важной предпосылкой организации Совета было усиление международной координации всех аспектов деятельности людей на море. Море было включено в сферу международного права: происходило создание международных правил навигации, охраны подводных телеграфных кабелей и для отдельных районов — правил рыболовства. Как и метеорология, развитие которой было связано с необходимостью развития сельского хозяйства, морские исследования были нацелены на решение практи-

¹ См., например: *Lyons F.S.L. Internationalism in Europe. Leyden, 1963.*

ческих задач. Рыбы так же, как ветра и течения, не признают национальных границ — это выражение, быстро ставшее трюизмом, может быть признано девизом Международного совета². Совет был организован на волне возраставшей озабоченности стран Северной Европы развитием морского рыболовства и уверенности в том, что исследования такого масштаба, которые необходимы для этого развития, под силу организовать только усилиями ученых многих стран³.

Наиболее важными мероприятиями для развития международных контактов в области морских исследований до организации Совета нужно признать международные географические конгрессы и рыбопромышленные выставки, часто также сопровождавшиеся конгрессами. Если посмотреть на участников такого конгресса в Бергене в 1898 г., можно увидеть среди них значительную часть активных деятелей будущего Совета⁴. Особую роль в организации Совета сыграл Шестой Международный географический конгресс, состоявшийся в 1895 г. в Лондоне. Именно здесь с идеей организации международных исследований выступил шведский океанограф Отто Петтерссон (Otto Pettersson). Он представил на суд географов не просто витавшую в воздухе идею, но результаты совместной деятельности океанографов нескольких стран. Начав с объединения усилий ученых скандинавских стран в 1892 г., Петтерссон сумел вовлечь в исследования шотландских и немецких ученых. Они стали проводить одновременные рейсы в разных районах Балтийского и Северного морей для сбора данных по температуре и солености морской воды при помощи сходных инструментов, дававшие возможность нарисовать общую картину движения водных масс. Петтерссон был одним из первых, кто пытался отыскать связь между этими движениями и миграциями рыб и объяснить, таким образом, колебания уловов сельди, оказывавшие огромное влияние на экономику Швеции⁵. Он также поставил на повестку дня изучение связи гидро-

² См.: *Rozwadowski H.* The Sea Knows No Boundaries. A Century of Marine Science under ICES. Seattle, 2002.

³ *Лайус Ю.А.* Становление международной кооперации в исследовании морей в конце XIX – начале XX в. // Третьи Петербургские чтения по новистике. Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.). СПб., 2003. С. 388–394.

⁴ См.: *Comptes rendus des seances du Congrès International des Pêches.* 1899. Publ. Dr. J. Brunchorst. Bergen.

⁵ *Svansson A.* Herring and hydrography, Otto Pettersson and his ideas of the behaviour of the period herring // *Swedish and international fisheries* // Ed. by

графических и метеорологических явлений, в первую очередь, влияния Гольфстрима на погоду в Северной Европе.

«Международная кооперация в изучении морей Северной Европы началась с работ очень небольшого масштаба, проводившихся главным образом благодаря личной дружбе между учеными трех скандинавских стран», — писал позднее глава норвежского Бюро по рыболовству Йохан Йорт⁶. Время для развития этой кооперации оказалось благоприятным, а Географический конгресс — подходящим местом для привлечения внимания к этой идее. Тем не менее, прошло несколько лет, пока Петтерссону удалось сделать следующий шаг. За это время немецкие и голландские ученые сформулировали программу международных исследований в области морского рыболовства⁷. Резолюция Географического конгресса в поддержку международных исследований была послана шведскому королю Оскару II. Вскоре Петтерссон добился встречи с королем, убедил его в важности международных исследований и получил согласие на проведение конференции в Стокгольме.

То, что инициатива созыва конференции исходила от Швеции, помогло преодолеть сложности международной обстановки, связанные с англо-бурской войной, вызвавшей сильные антибританские настроения в Нидерландах и Германии. После длительных переговоров удалось собрать вместе делегации всех приглашенных стран, выработать общую программу исследований. Согласно этой программе Международный совет по исследованию моря создавался, по крайней мере, на пять лет, в него должны были войти по два представителя от каждой страны (не считая неопределенного числа экспертов, которые могли привлекаться к его работе). При Совете создавались Центральное бюро и лаборатория, координировавшие ежесезонные рейсы всех стран-участниц, обеспечивавшие их методической помощью и оборудованием, а также собиравшие рыболовную статистику.

B. Andersson. Rapport från ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs Universitet, 1999. № 13. P. 22–36.

⁶ *Hjort J.* International Exploration of the Sea // *Rapports et Proces — Verbaux des Reunions*. Vol. CXV. 1945. P. 8.

⁷ *Lenz W.* Die Überfischung der Nordsee — ein historischer Überblick des Konfliktes zwischen Politik und Wissenschaft // *Historisch-Meereskundliches Jahrbuch*. Bd. 1. Berlin, Hamburg, 1992. S. 87–108; *Smed J., Ramster J.* Overfishing, science, and politics: the background in the 1890s to the foundation of the International Council for the Exploration of the Sea // *100 Years of Science under ICES*. ICES Marine Science Symposia. 2002. Vol. 215. P. 13–21.

Научная программа включала в себя части обеих ранее выработанных программ: программы физико-океанографических исследований, разработанной Петтерссоном, и программы биологических исследований. Каждая страна отвечала за изучение определенных участков северо-восточной части Атлантики, включая Балтийское море. Согласованность исследований и стандартизация методик были краеугольным камнем программы, в особенности физико-океанографической ее части, так как только они позволяли вести изучения океана как единого целого, что и являлось основной задачей.

Приглашение шведского короля принять участие в конференции было разослано правительствам Германии, Великобритании, Нидерландов, Дании, Норвегии и России⁸. Делегатом от России на этой конференции был инспектор по рыболовству Департамента земледелия Оскар Андреевич Гримм (1845–1921)⁹. Архивные документы дают представление о совместных усилиях Гримма и начальника Мурманской научно-промысловой экспедиции Николая Михайловича Книповича, способствовавших вступлению России в Совет¹⁰. В 1899 г. шведский король Оскар II послал через шведско-норвежское посольство специальную ноту, информировавшую об образовании Совета, министру иностранных дел графу М.Н. Муравьеву. Последний написал министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову,

⁸ См.: *Rozwadowski H.M.* Указ. соч.; *Лайус Ю.А.* Участие русских ученых в деятельности Международного совета по исследованию моря // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XX годичной конф. СПб отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. Вып. XV. СПб., 1999. С. 43–44.

⁹ *Knipowitsch N.M.* Oscar von Grimm (1845–1921). *Rapports et Proces-Verbaux des Reunions, Council International pour Exploration de la Mer.* 1928. Vol. XL–VII. *Rapport Jubilaire (1902–1927).* S. 39; *Гримм О.А.* Международная конференция по вопросу исследования северных морей, бывшая в Стокгольме в июне 1899 г. // Вестник рыбопромышленности. 1899. Т. XIV. С. 405–420.

¹⁰ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 398 (Департамент Земледелия). Оп. 72. Д. 28059 (Об участии России в задуманной Стокгольмской Академией наук в интересах рыбного промысла международной конференции и исследовании северных морей); См. также: *Lajus J.A.* «Foreign science» in Russian context: Murman Scientific-Fishery Expedition and Russian participation in early ICES activity // 100 Years of Science under ICES. ICES Marine Science Symposia. 2002. Vol. 215. P. 64–72.

в ведении которого находилось и рыбное хозяйство России¹¹. В этом письме Муравьев утверждал, что участие в международных морских исследованиях очень желательно для России. Он подчеркивал, что это участие не повлечет за собой слишком больших материальных расходов, так как существует Мурманская экспедиция, чья деятельность очень хорошо вписывается в предполагаемые международные исследования.

В соответствии с решением Стокгольмской конференции России было предложено вести исследования в двух районах: в восточной части Балтийского моря, где исследования проводились в основном финскими учеными¹², и Баренцевом море, где работала Мурманская экспедиция. Однако вопрос о вступлении России в Совет долгое время оставался нерешенным. В конце 1899 г. А.С. Ермолов созвал Комиссию по рассмотрению резолюции Стокгольмской конференции при Министерстве земледелия и государственных имуществ, в которую были приглашены представители всех основных министерств и Академии наук¹³. Комиссия пришла к заключению, что Россия должна участвовать в международных исследованиях, но без участия в Международном бюро. Вместо этого было принято решение об организации российского бюро по морским исследованиям, которое должно было координировать все отечественные морские исследования.

Принимая такое решение, ученые и чиновники ссылались на опыт организации исследований в геологии и метеорологии, где впечатляющая координация работ и унификация методов исследования была достигнута без организации специальных международных организаций, а только путем регулярного созыва международных съездов и деятельности временных комитетов, работавших в период между съездами¹⁴. Особенно поддерживал такую схему международной ко-

---

¹¹ [Письмо министра иностранных дел гр. Муравьева министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову, 1899 г.]// РГИА. Ф. 398. Оп. 72. Д. 28059. Л. 2–3.

¹² *Malkki P.* Указ. соч.

¹³ [О создании Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским правительством решений Международной Стокгольмской конференции об изучении гидрографии и биологии северных морей, 11 декабря 1899 г.]// РГИА. Там же. Л. 71.

¹⁴ [Журналы заседаний Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским Правительством решений Международной Стокгольмской конференции об

операции полярный геолог Ф.Н. Чернышев, имевший большой опыт международной деятельности, в частности, участие в многолетней шведско-русской экспедиции на Шпицберген в 1899–1903 гг. Против участия России в деятельности Международного бюро и выплаты соответствующего взноса выступил и министр финансов С.Ю. Витте, который указал Ермолову на то, что государственная казна и так расходует значительные суммы на финансирование экспедиций в северные районы страны, включая Мурманскую экспедицию¹⁵.

Н.М. Книпович справедливо считал, что работы Мурманской экспедиции приобретут особую ценность, если они будут проводиться по единой международной программе, выработанной и применяемой всеми странами-участницами деятельности Совета. Как начальник экспедиции, стремясь осуществлять исследования на самом высоком современном уровне, Книпович был особенно заинтересован в участии России в деятельности Совета и его Международного бюро. Поэтому, когда это участие было поставлено под сомнение, Книпович высказал в письменном виде свое особое мнение по этому вопросу¹⁶. Не отрицая желательности русского бюро, он в то же время сомневался в возможности найти для него необходимые средства, а главное, квалифицированные кадры. По его мнению «постановление страдает излишним оптимизмом по отношению к нашим наличным научным силам. Именно в области гидрологии этих сил крайне мало..., а в области биологии моря и систематики морских животных у нас сил прямо крайне мало вследствие одностороннего направления, господствующего в современной русской зоологии»¹⁷. Он утверждал, что необходимо примкнуть к Международному бюро хотя бы на период первоначальных работ, высказывая надежду на то, что «за этот период техника новых исследований будет у нас вполне выработана, подготовятся люди для самостоятельных работ, и тогда, действительно, будет излишним дер-

---

изучении гидрографии и биологии северных морей, 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 130–131.

¹⁵ [Письмо министра финансов С.Ю. Витте министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову от 3 февраля 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 97–98.

¹⁶ [Особое мнение Н.М. Книповича по вопросу об участии России в деятельности Международного Совета по исследованию моря по результатам совещания в Министерстве земледелия в 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 137–138.

¹⁷ Там же.

жаться какого-либо международного учреждения вместо своего русского»¹⁸.

Весь 1900 г. российское правительство откладывало решение вопроса о вступлении России в Совет, по-видимому, ожидая, что решат правительства других стран. В декабре шведско-норвежское посольство в письме Ермолову подчеркивало, что вступление России является очень важным для Швеции¹⁹. Ермолов в письме Витте, утверждая, что вступление в Совет необходимо для России «как великой державы, стоящей на той же ступени развития, что и европейские страны», подчеркивал, что не считает желательным и даже возможным уклоняться от столь важного международного начинания²⁰. Россия фактически уже участвовала в международных исследованиях не только работами Мурманской экспедиции, адмирал С.О. Макаров принимал участие в составлении новых, более точных гидрографических таблиц²¹, на эту работу со стороны России была отпущена из казны одна тысяча рублей²².

Когда в самом начале 1901 г. стало ясно, что большинство приглашенных стран собираются вступить в Совет, а Витте отказался финансировать российское бюро по морским исследованиям²³, Ермолов снова собрал Комиссию²⁴. На этот раз члены Комиссии склонились

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Smed J.* Three Russian Oceanographers and their Relations to Colleagues at Early ICES // History of Oceanography. Abstracts of the VII International Congress on the History of Oceanography. Kaliningrad. September 8–12, 2003. Kaliningrad, 2003. P. 93–98.

²⁰ [Письмо министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова министру финансов С.Ю. Витте от 9 марта 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 105.

²¹ [Письмо министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова министру финансов С.Ю. Витте от 9 марта 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 103.

²² *Smed J.* Early Discussion and Tests of the Validity of Knudsen's Hydrographical Tables // Historische-Meereskundliche Jahrbuch. Bd. 1. 1992. S. 79.

²³ См.: [Письмо министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова министру финансов С.Ю. Витте, июль 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 174–175 и [Письмо министра финансов С.Ю. Витте министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову] // РГИА. Там же. Л. 188.

²⁴ [Журналы заседаний Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским правительством решений Международной Стокгольмской конференции об изучении гидрографии и биологии северных морей, 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 124–141.

к позитивному решению, которое, однако, еще не означало положительного ответа правительства.

Не дожидаясь окончательного решения о вступлении России в Совет, Книпович уже в 1900 г. начал исследования по Стокгольмской программе, о чем написал Петтерссону²⁵. В своем выступлении в Комиссии Ермолова Книпович утверждал, что вся деятельность Мурманской экспедиции тесно связана со Стокгольмской программой, потому что он организовал все свои исследования в результате контактов в ходе заграничной поездки с учеными, которые были инициаторами организации Стокгольмской конференции²⁶.

Для окончательного оформления Совета было решено вскоре созвать еще одну конференцию. Однако потребовалось еще два года на согласование мест расположения бюро и лаборатории и распределение должностных обязанностей. Обсуждение этих проблем шло как между учеными, так и на самом высоком правительственном уровне.

Долгое время оставалось неясным, будет ли Россия принимать участие в новой конференции, так как вопрос о вступлении в Совет все еще оставался открытым. В декабре 1900 г. Книпович писал Петтерссону, что «он очень заинтересован в международной кооперации», добавляя, что Оскар фон Гримм тоже за кооперацию и делает все возможное для того, чтобы вопрос о вступлении России в Совет был решен положительно²⁷. В феврале 1901 г. Книпович написал Петтерссону, что он получил финансирование для Мурманской экспедиции еще на четыре года работы и будет продолжать исследования по программе, принятой в Стокгольме, даже в том случае, если Россия не войдет в Совет²⁸. Петтерссон был заинтересован в участии Книповича в конференции в Христиании и беспокоился о том, чтобы время

²⁵ [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерссону от 14 декабря 1900 г.]// Библиотека Гетеборгского университета (Universitetbiblioteket Gothenburg). Коллекция писем. (нем.).

²⁶ [Выступление Н.М. Книповича на заседании Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским правительством решений Международной Стокгольмской конференции об изучении гидрографии и биологии северных морей в апреле 1900 г. // РГИА. Там же. Л. 125–126.

²⁷ [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерссону от 14 декабря 1900 г.]// Библиотека Гетеборгского университета (Universitetbiblioteket Gothenburg). Коллекция писем. (нем.).

²⁸ [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерссону от 16 февраля 1901 г.]// Там же.

ее проведения оказалось подходящим для него, так как в летнее время Книпович не мог покинуть свою экспедицию²⁹.

В конце концов, русское правительство решило послать представителя в Христианию. Гримм был болен и не смог поехать, поэтому Книпович был единственным делегатом от России³⁰. Окончательно вопрос о вступлении России в Совет был решен лишь в марте 1902 г., когда император подписал соответствующий указ о вступлении сроком на два года. Впоследствии срок этот несколько раз продлевался.

На конференции в Христиании в 1901 г., кроме перечисленных выше стран, присутствовали также представители от Бельгии и Финляндии³¹, которая некоторое время входила в Совет независимо от России. Итоговый документ, подписанный одним представителем от каждой страны, не был опубликован в сборнике трудов конференции, а был передан непосредственно в правительства. Копенгаген, единственный город, устраивавший как скандинавские страны, так и Германию, и Великобританию, несмотря на свою удаленность от открытого моря, был выбран местом размещения Центрального бюро. Подчиненная бюро Центральная лаборатория под началом Фритъофа Нансена была размещена в Христиании.

Чтобы сбалансировать скандинавское лидерство, глава Немецкой комиссии по морскому рыболовству Вальтер Хервиг (Walther Herwig) был избран президентом Совета³², а голландец Паулус Хук (Paulus Huk) — генеральным секретарем. Петтерссон стал его почетным вице-президентом. Были определены суммы, вносимые каждым правительством на содержание Бюро и Лаборатории.³³

На конференции была принята рекомендация каждой стране построить специальное научно-исследовательское судно. К этому времени такие суда уже были у России — «Андрей Первозванный», и у Норвегии — «Михаил Сарс» («Michael Sars»), построенное в 1900 г. для норвежского

²⁹ *Smed J.* Three Russian Oceanographers...

³⁰ [Отчет Н.М. Книповича об участии в конференции Международного Совета по исследованию моря в Христиании, 1901 г.] // РГИА. Там же. Л. 292.

³¹ *Malkki P.* The early membership of Finland in ICES // *Deutsche Hydrographische Zs, Ergänzungsheft.* 1990. Reihe B. Bd. 22. P. 319–322.

³² *Went A. E. J.* Seventy years agrowing: a history of the International Council of the Exploration of the Sea, 1902–1972 // *Rapports et Proces-Verbaux des Reunions, Conseil International pour l'Exploration de la Mer.* 1972. Vol. 165.

³³ Там же. На русском языке см.: *Алексеев А.П.* К истории создания и о первом периоде работ...

Бюро по рыболовству. Вскоре вошли в строй немецкое судно «Посейдон» («Poseidon») и датское «Тор» («Thor»). В июле 1902 г. организация Совета была официально утверждена на его Первом конгрессе в Копенгагене. Все основные документы Совета печатались на французском языке — языке дипломатии (хотя Франция и не была членом Совета), а научные материалы, главным образом, на немецком. Сочетание привычного дипломатического и формировавшегося международного научного стиля общения между представителями разных стран — характерная черта деятельности Совета.

Основателями Совета были крупные ученые, занимавшие государственные посты, часть из них была связана с правительствами своих стран. Сохранившаяся обширная переписка между учеными дает ясное представление о том, насколько органичным образованием, поддерживаемым живым научным и личным общением, была эта международная организация.

У каждой страны были свои первоочередные проблемы, которые она хотела решить при помощи развития международной научной кооперации. Для скандинавских стран существовала настоятельная необходимость понять связь между морем и погодой, изменениями погоды и течений и колебаниями численности промысловых рыб. Германия стремилась выйти на морские просторы и поставить свое, набиравшее силу морское рыболовство на такую же прочную научную основу, как сельское хозяйство, которым она по праву гордилась. Для Великобритании первым на повестке дня стоял вопрос о перелове рыбы в Северном море, приведшем к значительному падению уловов и обострению конкуренции между английскими, немецкими и голландскими рыбаками. Россия, озабоченная развитием Севера, поддерживала эту инициативу до тех пор, пока другие, более насущные вопросы, в особенности, необходимость регулирования рыболовства в Каспийском море, не отвлекли правительство и ученых от северных морей.

Уместно привести здесь слова известного историка океанографии Эрика Миллза: «ИКЕС был рожден в результате умного компромисса из задач, поставленных скандинавскими странами, которые, однако, могли формулироваться другими странами согласно их собственным интересам»³⁴.

Другой формой международной кооперации в морских исследованиях в предвоенный период были Океанографические курсы,

³⁴ *Mills E.* Указ. соч. Р. 86.

проводившиеся с 1903 г. Бергенской биологической станцией. С самого начала Бергенская станция была частью международной сети морских биологических станций. Однако особенный импульс к своему развитию она получила после организации Международного совета по исследованию моря. Деятельность Совета требовала существенного увеличения числа квалифицированных морских исследователей, которые знали бы вырабатываемые Советом международные стандарты океанографических исследований, могли бы использовать новые методы и приборы. С целью такого обучения Бергенская станция организовала в 1903 г. курсы по океанографии. Объявления о курсах широко печатались в международных журналах, перепечатывались в национальной прессе, в том числе в России.

Курсы проводились совместно биологической станцией, Бергенским Музеем и Директоратом по рыболовству Норвегии. Преподавали на них лучшие специалисты, такие как зоолог Адольф Аппеллоф (Adolf Appellof), планктонолог Х.Х. Гран (H. H. Gran), ихтиолог Й. Йорт и его ассистент будущий крупный океанограф Бьорн Хелланд-Хансен (Bjorn Helland-Hansen).

Курсы состоялись 11 раз с 1903 по 1913 г. включительно, двумя потоками слушателей в 1903 г. (весной и в августе), и с пропуском 1910 г., который был связан с проведением в этом году Зоологического конгресса. Всего на курсах был обучен 171 человек из 15 стран. Рабочим языком курсов был немецкий, что позволяло принимать участие в их работе студентам из самых разных стран, поскольку немецкий язык в те годы был основным языком науки. Немецкие и скандинавские студенты составляли большинство слушателей. Русские участники не приезжали в Берген так регулярно, как немецкие, значительный перерыв их участия в 1905–1907 гг., несомненно, связан с революционными событиями в России. В целом, курсы посетили 20 молодых ученых и студентов из России.

Если посмотреть отчеты биологической станции и Бергенского музея, который печатались в его Ежегоднике³⁵, можно заметить, что многие слушатели, принимавшие участие в работе курсов, в следующие годы приезжали в Берген уже как исследователи. Информация о Бергенской станции благодаря курсам широко распространилась, и некоторые исследователи посещали станцию, не принимая участия в курсах. Из наиболее известных визитеров нужно отметить зоологов

³⁵ Bergens Museum Aarbok. 1903–1913.

из С.-Петербургского университета С.В. Аверинцева в 1904 и В.А. Догеля в 1906 г.

В архиве норвежского океанографа Б. Хелланд-Хансена в Бергене хранится документация и корреспонденция, связанная с работами Океанографических курсов. Там удалось обнаружить список предполагаемых слушателей на август 1914 г.³⁶ Большинство из них были немцы. Конечно, курсы в этом году не состоялись. Не состоялись они и в последующие военные годы. К сожалению, и после окончания войны эта полезная деятельность не была восстановлена.

Ежегодные совещания Совета и его комиссий для маститых ученых и Бергенские курсы для начинающих отлично дополняли друг друга. И те, и другие послужили быстрому формированию научного сообщества в морских исследованиях, самоидентификации членов этого сообщества как океанографов, независимо от их прошлых интересов и образования, распространению новых методов, возникновению и поддержанию многолетних контактов между учеными.

Международный совет по исследованию моря во время войны

Итак, накануне Первой мировой войны Международный совет по исследованию моря был сложившейся, устойчивой, широко известной международной организацией, членами которой были девять европейских стран и США. У ученых, работавших в Совете были амбициозные планы организации совместных исследований, плавучих лабораторий, конференций. Особенно важным был проект, подготовленный О. Петтерссоном по организации международного исследования Атлантического океана с борта военных кораблей, которые должны были участвовать в церемонии открытия Панамского канала³⁷.

Первая мировая война разорвала сложившиеся международные связи в научных сообществах, сделав невозможным не только организацию исследований моря, но и проведение обычных ежегодных конференций Совета. Налаженные пути обмена научными знаниями через переписку и личные встречи ученых также были нарушены. Для российских ученых-океанографов главным каналом получения информации во время войны стали скандинавские страны.

³⁶ Statsarkivet Bergen, Bjorn Helland Hansen archives.

³⁷ *Rozwadowski H.* Указ. соч. Р. 56–58.

Международный совет был в числе тех немногих международных организаций, которым удалось пережить войну. Это стало возможным благодаря согласованной политике небольшой группы ученых нейтральных стран и Великобритании: в первую очередь президента Совета О. Петтерссона, его генерального секретаря, датского рыболовного инспектора и военно-морского офицера Кристиана Дрекслея (Christian Drechsel) и британского делегата Генри Мориса (Henry Maurice). Совет сумел собрать взносы от нейтральных стран, Великобритании и России и даже проводил во время войны некоторые, конечно, очень локальные исследования. Роль британских ученых в поддержке жизнедеятельности Совета во время войны была решающей, и она была высоко оценена научным сообществом, что проявилось, в частности, в избрании после войны Г. Мориса президентом Совета.

Россия не покинула Совет с началом войны и даже заплатила взнос за 1914–1915 гг. Это было сделано в 1915 г. во время визита Дрекслея в С.-Петербург. Однако по совету датского консульства деньги не были переведены в Данию, а положены на депозит в Азово-Донской банк, где они и хранились до самой революции³⁸. Во время революции они были конфискованы, и проблема возвращения этих денег Совету стала неразрешимым препятствием на пути участия России (СССР) в деятельности Совета после окончания войны. Деньги эти так и не были возвращены, что задержало вступление СССР в Совет до 1956 г.

Книпович, для которого международная кооперация была делом всей его жизни и единственно возможным способом организации научной деятельности, использовал любую возможность для контактов с зарубежными коллегами, даже во время войны. Единственным отличием писем военного времени было использование французского языка вместо немецкого. В письме О. Петтерссону от 28 октября 1916 г. Книпович выражал надежду на скорое окончание войны и восстановление международной кооперации в науке³⁹.

Во время войны Россия построила в Норвегии несколько гидрографических судов. Наблюдение за их постройкой, как когда-то за постройкой «Андрея Первозванного» в Германии, было поручено Л.Л. Брейт-

³⁸ Письмо Н.М. Книповича В.И. Ленину от 10 октября 1921 г. // Ленин и Академия наук: Сб. док. М., 1969. С. 219–220.

³⁹ [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерссону от 28 октября 1916 г.] // Библиотека Гетеборгского университета (Universitetsbiblioteket Gothenburg). Коллекция писем (нем.).

фусу. В 1915 г. он участвовал на этих судах в спасательных рейсах по розыску русских полярных экспедиций в Карском море⁴⁰. Необходимо отметить, что интерес российского правительства к Северу во время войны сильно вырос. Это выразилось, в частности, в том, что в 1916 г. Россия объявила суверенитет над своими территориями в Арктике⁴¹.

Война и возрастание интереса в России к рыбным ресурсам северных морей

Уже через год после начала войны ведущие ученые страны осознали необходимость содействия развитию промышленности России и освобождения ее от экономической зависимости от Германии, улучшения состояния сельского хозяйства и торговли⁴². В первую очередь требовалось наладить тщательный учет природных ресурсов. В заявлении, зачитанном В.И. Вернадским 21 января 1915 г. на заседании Физико-математического отделения АН, выдвигалась задача организации в системе Академии постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В круг деятельности Комиссии наряду со многими другими задачами, касающимися обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем, входило и изучение продовольственных ресурсов, в том числе и рыбных. В состав КЕПС вошли следующие ученые, связанные с рыбным хозяйством и морскими исследованиями: специалисты по рыбопромышленности Департамента земледелия В.К. Бражников, В.И. Мейснер и А.С. Скориков, профессора А.С. Берг и К.М. Дежюин, старшие зоологи Академии наук Н.М. Книпович и П.Ю. Шмидт.

1 апреля 1916 г. В.К. Бражников выступил на Общем собрании КЕПС с докладом, посвященным рыбному хозяйству страны в целом⁴³.

⁴⁰ *Брейтфус А.А.* Данные о плавании судов спасательных экспедиций — пароходов «Андромеда» и «Кит» («Полярный») в 1915 году // Записки по гидрографии. 1916. Т. XL, вып. 3. С. 431–452.

⁴¹ *Пинхенсон Д.М.* Указ. соч. С. 644–645.

⁴² *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб, 1999. С. 13–31. См. также: *Колчинский Э.И., Кольцов А.В.* Российская наука и революционные кризисы в начале XX века // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 322–323.

⁴³ Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Императорской Академии Наук. 1916. Пг., 1916. № 4. С. 66–69.

Он подчеркнул, что вопросы продовольствия страны в настоящий момент представляют особую важность. В обсуждении доклада были подняты вопросы рационального использования и охраны рыбных богатств. Бражников привел статистические данные по рыболовству, в том числе и в Баренцевом море. В дальнейшем очерки по промысловым рыбам, в том числе северным, были включены в шестой том сборника «Естественные производительные силы России», изданном КЕПС⁴⁴.

В следующем месяце КЕПС вернулась к этим вопросам при обсуждении доклада С.П. Максимова «Водное хозяйство в России», в котором было внесено предложение об учреждении Института водного хозяйства⁴⁵. За создание такого учреждения в виде Центрального бюро (или Комиссии) по изучению вод и водных богатств России в 1917 году выступил ихтиолог П.Ю. Шмидт⁴⁶. Он подчеркивал значение рыбного хозяйства в экономике России, как в настоящем, так и в особенности в будущем, после окончания войны, когда «потребность в правильной постановке дела исследования вод, их фауны и флоры, будет еще более настоятельной, чем сейчас»⁴⁷. Ученый отмечал недостаточную согласованность исследований между различными ведомствами и отдельными экспедициями и биологическими станциями, неорганизованность и недопустимую длительность в обработке собранных материалов. Он предлагал «объединить те разрозненные силы, которые в настоящее время заняты изучением вод и водных богатств в России» и создать в столице центральное учреждение, аналогичное по заданиям Международной комиссии (Совету) по исследованию моря, «которая с такой честью и с таким выдающимся успехом вела за последние годы до войны все дело исследования морских вод Северной Европы»⁴⁸.

В целом, организация сети научно-исследовательских институтов была одной из основных задач дальнейшего развития российской науки

⁴⁴ Рыбы. Ч. 2. // Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир Отдел III. Систематический обзор представителей животного царства, имеющих хозяйственное значение. Пг., 1920.

⁴⁵ *Кольцов А.В.* Указ. соч. С. 35.

⁴⁶ *Шмидт П.* Об организации исследований водных богатств России // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. Пг., 1917. № 7. С. 134–136.

⁴⁷ Там же. С. 135.

⁴⁸ Там же. С. 135.

в этот период времени⁴⁹. Для отыскания средств на организацию институтов весной 1917 г. была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», заместителем председателя исполнительного органа Ассоциации стал Н. М. Книпович⁵⁰.

О повышении интереса правительственных кругов к Северу во время войны свидетельствует созыв в декабре 1916 г. Особого междудомственного совещания по вопросу об устройении и развитии Русского Севера. Его работа проходила под девизом: «Воссоздание северной окраины является национальной задачей»⁵¹. На первом месте стоял вопрос об использовании лесных богатств, но обсуждался и вопрос об улучшении рыбных промыслов. Никаких реальных мер по их развитию, впрочем, предложено не было. Меры, выдвинутые самими промышленниками, в том числе на Первом рыбопромышленном съезде Поморско-Мурманского района⁵², и заключающиеся в выплате ссуд на постройку кораблей, налаживании обеспечения солью и т.п., в военное время не могли быть выполнены.

С возрастанием роли Севера в широких кругах научной общест-венности происходило усиление интереса к изучению его природных богатств. В 1914 г. были организованы Постоянная полярная комиссия при АН⁵³ и Комитет Севера при Русском географическом обществе. В составе КЕПС была организована Подкомиссия по вопросу об изучении и использовании естественных производительных сил Русского Севера, которая позднее в 1918 г. была преобразована в Отдел по исследованию Севера⁵⁴. Председателем Отдела стал А.П. Карпинский, его заместителем бывший вице-губернатор Архангельской губернии и организатор Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС) А.Ф. Шидловский. Отдел занимался главным образом систематизацией литературы, посвященной природным богатствам Севера, в том числе и рыбным.

⁴⁹ Есаков В.Д. От императорской к российской. Академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132.

⁵⁰ Колчинский Э.И., Кольцов А.В. Указ. соч. С. 331.

⁵¹ Пинхенсон Д.М. Указ. соч. С. 645.

⁵² Труды Первого рыбопромышленного съезда Поморско-Мурманского района в с. Сороке, Кемского уезда Архангельской губернии. Архангельск, 1914.

⁵³ Постоянная Полярная комиссия Академии Наук СССР // Советский Север. 1930. № 1. С. 137–140.

⁵⁴ Кольцов А.В. Указ. соч. С. 92.

Ухудшение ситуации с продовольствием вызвало увеличение интереса к рыболовству. Снабжение рыбой Петрограда было подвергнуто специальному анализу⁵⁵. В связи с окончанием строительства Мурманской железной дороги появились надежды на снабжение столицы северной рыбой. Спрос на северную рыбу, особенно на мурманскую соленую треску, постоянно повышался⁵⁶. Железная дорога должна была не только способствовать вывозу рыбы с промыслов, но и улучшению самих промыслов, в частности возрождению весеннего лова⁵⁷. По данным инспектора рыболовства в 1915 г. в мурманском промысле участвовало 1 636 судов, более 3 000 человек⁵⁸. Однако, после повышения тарифов на пассажирские перевозки Архангельско-Мурманским пароходством в 1916 г. для возмещения убытков военного времени, большинству поморов стало труднее добираться до места промыслов.

14 марта 1917 г. в Петрограде состоялось совещание при Отделе заготовок продуктов и фуража для действующей армии Министерства земледелия по вопросу о возможности использования рыбных промыслов Мурмана и Белого моря под председательством Н.М. Книповича⁵⁹. Были выдвинуты предложения о привлечении к промыслам финнов, переселенцев-латышей и даже о том, чтобы допустить на Мурман норвежских рыбаков, с условием, чтобы они выловленную рыбу сдавали на российский рынок. Однако Морской главный штаб эти предложения не одобрил. При этом увеличение привоза рыбы из Норвегии признавалось желательным, так что даже, несмотря на запрет вывоза хлебных товаров из России в военное время, правительство сочло возможным

⁵⁵ Веберман Э.А. Снабжение рыбой Петрограда в 1916 г. // Вестник рыбопромышленности. 1916. № 11. С. 582–599.

⁵⁶ Зайцев А.Ф., Родионов Н.Р. Мурманская железная дорога и задачи экономической политики на Севере // Война и экономическая жизнь. Очерки и материалы для характеристики народного и государственного хозяйства в связи с войной. Вып. III. Пг., 1916. С. 17.

⁵⁷ Там же. С. 16.

⁵⁸ [Выписка из обзора современного положения мурманского промысла по данным 1915 г., составленная инспектором рыбных промыслов Талалаевым] // ПФА РАН. Ф. 269. Оп. 3. Д. 24. Л. 4.

⁵⁹ Шрадер Т.А. Русско-норвежские связи на Севере в период Первой мировой войны (по материалам РГИА и РГАВМФ) // Скандинавские чтения 2005 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Кунсткамера, 2005. С. 44–56.

разрешить в ограниченном количестве поморским судовладельцам продолжать традиционный обмен хлебных товаров на рыбу⁶⁰.

Первая мировая война, с одной стороны, оказала отрицательное влияние на промысловую деятельность, но с другой стороны, способствовала увеличению значения северных морей в экономике и торговле страны. Среди важных исторических последствий войны для дальнейшего развития рыболовства в Баренцевом море необходимо отметить строительство Мурманской железной дороги и покупку в Великобритании 12 минных тральщиков, которые после окончания войны были переоборудованы для промысла.

Военная обстановка не способствовала научным исследованиям на Мурмане. Так, Мурманская биологическая станция Петроградского Общества естествоиспытателей во время войны не функционировала, здания ее с лета 1915 г. были заняты Морским ведомством и оказались сильно попорчены⁶¹. Тем не менее, директор станции Г.А. Клюге продолжал жить в Александровске, не оставляя попыток восстановить научную жизнь станции. Позднее он писал, что «руки опускались при взгляде на этот погром и разрушение, особенно при сравнении с блестящим прошедшим периодом жизни Станции»⁶².

Клюге предлагал переориентировать исследования станции на прикладную тематику, связанную с войной. Он выступил на общем собрании КЕПС и в Химическом отделе Военно-промышленного комитета с предложением организовать на станции «рациональную постановку добывания рыбьего жира»⁶³. Осенью 1917 г. Постоянной полярной комиссией АН обсуждался вопрос о возобновлении деятельности станции

---

⁶⁰ Там же. С. 55.

⁶¹ Киселев А.А. Мурманская биологическая станция и ее директор профессор Г.А. Клюге // Наука и бизнес на Мурмане. Сер. История и право. Т. 11. Мурманск, 2002. С. 45.

⁶² Клюге Г.А. Исторический очерк развития Мурманской Биологической Станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей // Работы Мурманской биологической станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей. Т. 1. Л., 1925. С. 14.

⁶³ [Записка Г.А. Клюге о желательности рациональной постановки добывания рыбьего жира на Мурмане и возложении этой задачи на Мурманскую биологическую станцию] // ПФА РАН. Ф. 817 (Личный фонд П.Ю. Шмидта). Оп. 1. Д. 179 (Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции. 1918). Л. 58–59.

и использовании ее для нужд обороны. Полярная комиссия обратилась к военному министру с просьбой оказать станции поддержку, включив ее в число учреждений, работавших на оборону. В письме подчеркивалось, что станция помимо научных задач может и должна быть использована для нужд обороны, так как на ней могут проводиться исследования для рациональной постановки добывания рыбьего жира и йода из водорослей⁶⁴. В связи со сменой власти в государстве эта просьба осталась невыполненной. Зимой 1918 г. вопрос о возобновлении деятельности Мурманской биологической станции рассматривался на заседании Александровского уездного земского собрания, но так и остался нерешенным⁶⁵.

Угроза голода в Петрограде стала стимулом к организации при КЕПС весной 1918 г. Мурманской разведывательной промысловой экспедиции, которую возглавил П.Ю. Шмидт⁶⁶. В состав экспедиции входили девять человек: инженеры, специалисты по холодильному и бондарному делу, по посолу и консервированию рыбы, а также представитель Союза петроградских рабочих кооперативов, бывший министр труда К.А. Гвоздев⁶⁷. Задачей экспедиции было выяснить обстановку на мурманских промыслах с целью «разработать общий план рационального использования Мурмана этим летом и выработать согласованный образ действий правительственных и общественных учреждений»⁶⁸.

Интерес большевистского правительства к укреплению своей власти на Мурмане был значителен. Вопросы обороны, хозяйственного состояния и перспектив развития Мурмана и Мурманской железной дороги только в апреле 1918 г. семь раз обсуждались на заседаниях

---

⁶⁴ [Письмо Военному министру от Полярной Комиссии АН от 23 октября 1917 г.] // ПФА РАН. Ф. 75 (Полярная Комиссия АН). Оп. 1. Д. 26 (Отношения в Министерство народного просвещения и военное о дальнейшем направлении деятельности Полярной комиссии АН и о возобновлении деятельности Мурманской биологической станции). Л. 3–4.

⁶⁵ [Журнал заседания Александровского уездного земского собрания от 22 января 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 35–35об.

⁶⁶ Подробнее см.: Лайус Ю.А. Научно-промысловые исследования на «красном» и «белом» Севере, 1918–1920 гг. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научн. конф. М., 2002. С. 430–432.

⁶⁷ [Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 17.

⁶⁸ Там же.

Совнаркома⁶⁹. С января 1918 г. и всю весну в Мурманске находился представитель Центрснабарма И.И. Подвойский⁷⁰ (брат одного из руководителей Октябрьского восстания Н.И. Подвойского), который занимался реквизицией и закупкой продовольствия, в том числе рыбы, для армии. Для оживления промыслов Центросоюз командировал в январе 1918 г. своих уполномоченных. С помощью мурманских кооперативов Подвойскому удалось организовать промысловые артели, открыть фактории на побережье⁷¹. Повышенный интерес к этому району выразился также в организации несколькими месяцами позднее геолого-разведочной экспедиции КЕПС на мурманское побережье под руководством П.В. Виттенбурга⁷².

Дорога в Мурманске и жизнь в нем были очень трудными, о чем дают яркое представление записи П.Ю. Шмидта⁷³. За годы войны промысел упал почти втрое, почти две трети поморских судов находились в аварийном состоянии⁷⁴. В течение всего 1917 г. в районе активно продолжали действовать немецкие подводные лодки⁷⁵. 5 января 1918 г. по декрету СНК был национализирован морской и речной флот. В собственность государства перешли пароходы торговых домов И.В. Беззубикова, К.Ю. Спаде, Е.В. Могучего и др.⁷⁶

В течение мая прошли несколько совещаний участников экспедиции с представителями местной власти и кооперации⁷⁷. Для местной власти экспедиция из Петрограда была важным событием. В совещаниях участвовал управляющий делами Мурманского совета Г.М. Веселаго,

---

⁶⁹ Киселев А.А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск, 1974. С. 110.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См.: *Пятковский В.* Преображенный Север. Ленинская программа развития производительных сил Европейского Севера СССР в действии. Мурманск, 1974. С. 55.

⁷² *Виттенбург Е.* Время полярных стран. СПб., 2002. С. 30.

⁷³ [Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.]// ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179.

⁷⁴ [Журнал Совещания членов Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.]// ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 28.

⁷⁵ Киселев А.А. Родное Заполярье... С. 11.

⁷⁶ *Пятковский В.* Преображенный Север... С. 57.

⁷⁷ [Протоколы Заседаний Торгово-промышленного Отдела Краевого Совета депутатов от 8 мая 1918 г., 9 мая 1918 г., 21 мая 1918 г.]// ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 36–37, 38–38об., 39–40.

который в конце июня 1918 г. сыграл ведущую роль в разрыве Мурманского краевого совета с Советским правительством⁷⁸.

Основным партнером экспедиции в сборе необходимых сведений и планировании будущей работы выступала Мурманская биологическая станция в лице ее директора Г. А. Ключе. Как результат проведенных совещаний, краевым советом было написано обращение в КЕПС о продолжении научно-промысловых исследований на Мурмане. В нем говорилось о необходимости объединить деятельность станции и экспедиции, а также гидрометеосети и промыслового телеграфа. Благодаря этому «на Мурмане создан бы крупный научно-прикладной центр., который мог бы оказать большие услуги краю и промысловому делу»⁷⁹.

Интересно отметить, что в плане экспедиции были намечены практические опыты по консервированию (посолю) и перевозке рыбных продуктов. Для этого в состав экспедиции был включен вагон, в котором находилась соль и тара для рыбы. Этот вагон, впрочем, по техническим причинам до Мурманска не доехал. Рыбные продукты, которые экспедиция намеревалась привезти в Петроград, должны были «возможно более широко демонстрироваться в целях возбуждения общественного интереса к делу»⁸⁰.

В конце июня 1918 г. мурманские промыслы оказались отрезаны от России в результате начавшейся интервенции, и все планы каких-либо исследований в этом районе петроградскими учеными стали невыполнимыми.

Интерес к изучению и развитию промыслов вырос в период войны и в Архангельске. В 1916 г. во главе АОИРС впервые становится профессиональный ученый — начальник гидрометеорологической службы на Белом море В.В. Шипчинский⁸¹. Он призывал Общество начать

⁷⁸ *Голдин В.И.* Указатель имен // Белый Север. Т. 1. Архангельск, 1993. С. 379. См. Также: *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920 гг. М., 1993; *Goldin V.* The Russian Revolution and the North // International Politics. 1996. № 33. P. 385–395; *Goldin V.* The Civil War in Northern Russia // Acta Borealia. 2000. Vol. 2. P. 65–82.

⁷⁹ [Обращение Краевого Совета депутатов в КЕПС АН] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 41.

⁸⁰ [Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 17.

⁸¹ После А.Ф. Шидловского во главе общества стояли директор гимназии А.Г. Суровцев, затем инженер П. Г. Минейко.

действительное изучение природных богатств края, привлекать специалистов и вступить в самую тесную связь с научно-общественными силами Петрограда⁸². Выступал он и за тесное единение всех общественных организаций северной России. С председательством Шипчинского связано заметное оживление деятельности общества. Больше внимания стало уделяться и промысловым вопросам. При этом в деле упорядочения и развития промыслов первенствующая роль была признана за крупным капиталом, который, будучи снабжен достаточными научными силами, мог бы всесторонне изучить и наладить промысел.

17 июня 1917 г. в губернии, наконец, было введено земство, представители которого стали активно участвовать в обсуждении насущных экономических проблем развития края. В сентябре 1917 г. состоялся первый губернский рыбопромышленный съезд, в котором участвовали как ученые и общественные, в том числе земские, деятели, так и рыбопромышленники⁸³. Группа промышленников внесла предложение, чтобы все рыбные промыслы были переданы в руки земельных комитетов наравне с земельными, лесными и водными богатствами. Было предложено также всем поморам организоваться в артели и учредить их союз в Архангельске. Съезд постановил «ходатайствовать об освобождении поморов-рыболовов от военной службы на время настоящей войны, дабы они могли обеспечить фронт и страну продуктами рыболовства»⁸⁴.

В конце декабря состоялся Северо-восточный областной съезд, на котором Шипчинский возглавлял беспартийную радикально-демократическую группу. На съезде членами АОИРС были сделаны основные доклады: одним из учредителей общества И.И. Данишевским — об экономическом положении края; старшим специалистом по рыбному делу Министерства продовольствия Э.А. Веберманом и В.В. Шипчинским — о рыбных богатствах⁸⁵. В самом начале 1918 г. по инициативе приехавшего из Петрограда С.В. Аверинцева и Э.А. Вебермана при поддержке Шипчинского возникло Северное научно-промысловое объединение,

⁸² *Шипчинский В.* О направлении дальнейшей деятельности Архангельского Общества Изучения Русского Севера (Речь, произнесенная в Общем Собрании Общества 26 июня 1916 года) // Известия АОИРС. 1916. № 7–8. С. 325.

⁸³ Рыбопромышленный съезд // Известия АОИРС. 1917. № 9–10. С. 402–404.

⁸⁴ Там же. С. 403.

⁸⁵ Северо-восточный областной съезд // Известия АОИРС. 1917. № 11–12. С. 445–446.

членами-учредителями которого явились местные общественные организации — АОИРС, Бюро Северо-восточного областного съезда, губернский Продовольственный комитет и земство⁸⁶. Позднее, когда все эти организации, кроме АОИРС, были уничтожены пришедшими к власти большевиками, объединение было поддержано набиравшим силу кооперативным движением.

Активно сотрудничая с Временным правительством Н.В. Чайковского, С.В. Аверинцев продолжал развивать свои взгляды о необходимости развития крупнокапиталистических форм хозяйства, в том числе в рыболовстве. Он, как и прежде, считал, что путь к будущему развитию северных промыслов лежит через привлечение крупного капитала. 8 декабря 1918 г. Аверинцев сделал доклад «Современное состояние и возможное будущее рыболовства на Севере России» на заседании Северного отдела Русско-американского комитета⁸⁷. В обращении Комитета к АОИРС как к одному из «самых значительных факторов общественной работы на Севере»⁸⁸ говорилось, что «война раскрыла те громадные возможности новых путей в деле транспорта и торговли через Север, и несомненно, что значение его в этом смысле после войны не только не упадет, но еще и увеличится, так как к этому налицо все данные. Наряду с громадным будущим портов Севера в транзитной торговле России и заграницы, несомненно, также крупное международное значение его местной торговли и промышленности»⁸⁹.

В 1919 г. на Севере были организованы новые промысловые предприятия. Самым известным из них была фирма «Беззубиков и сыновья». Эта фирма совместно с отделением Центросоюза получила разрешение правительства взять в аренду 12 старых минных тральщиков английской постройки. Суда были переоборудованы за рубежом, было закуплено траловое оборудование, приглашены специалисты-инструкторы из Англии и Норвегии. До наступления зимы траулеры

⁸⁶ В. Северное научно-промысловое объединение // Товарищеское дело. 1918. № 5. С. 7–10.

⁸⁷ Аверинцев С.В. Современное состояние и возможное будущее рыболовства на севере России // Журнал Отделения земледелия Временного Правительства Северной области. Архангельск. 1919. № 1. С. 52–60. (Доклад на заседании Северного отдела Русско-американского комитета 8 дек. 1918 г.).

⁸⁸ [Обращение Северного отдела Русско-Американского Комитета к Архангельскому Обществу изучения Русского Севера] // ГААО. Ф. 83. Оп.1. Д. 88. Л. 186об.

⁸⁹ Там же. Л. 186.

сделали по несколько рейсов в район Канинского мелководья, а затем из-за отсутствия топлива стали на зимовку на специально организованную базу на Восточном Мурмане. Суда Центросоюза обосновались на Западном Мурмане.

Итак, в период Первой мировой и Гражданской войн на Севере интерес центральной и местной власти в развитии промысла был связан с необходимостью решения социальных проблем местного населения. В предвоенный период задача исследования этого региона постепенно переносится из центральных в местные, в первую очередь общественные, организации и во многом становится делом самих промышленников и связанных с ними кругов. С организацией в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера основные дискуссии по развитию рыболовства и научно-промысловых исследований начинают вестись в этом обществе. Его деятельность подтверждает общую тенденцию возрастания в начале XX в. роли многоотраслевых краеведческих организаций, которые стремились охватить весь комплекс проблем, связанных с исследованием того или иного края, и объединивших широкие круги местной интеллигенции⁹⁰.

С началом Первой мировой войны изучение рыбных ресурсов становится частью исследований производительных сил страны. Известно, что связанное с войной закрытие границ обнажило перекос в соотношении фундаментальной и прикладной науки в России, и поставило на повестку дня вопрос о разработке отечественных технологий для промышленности и сельского хозяйства⁹¹. Деятельность КЕПС и близких к ней кругов была направлена на создание целой системы прикладных исследовательских учреждений, согласованная работа которых рассматривалась как один из важнейших факторов подъема исследовательской работы и возрождения экономики России⁹². Развитию рыбного хозяйства в этом контексте придавалось большое значение. Этой деятельностью были созданы предпосылки для работы новых учреждений, созданных уже при Советской власти, руководство которых привлекло высококвалифицированных столичных ученых для оценки местных ресурсов с целью их использования в масштабах всей

⁹⁰ См., например: *Бастракова М.С.* Указ. соч. С. 27–28.

⁹¹ См. Например: *Елина О.Ю.* Мир, война и «туковый вопрос» (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900–1920-е гг.) // ВИЕТ. 2001. № 3. С. 3–36.

⁹² *Бастракова М.С.* Указ. соч. С. 42–49.

страны. Очень важным является то, что КЕПС ставила перед собой задачу объединения работников «в области отвлеченного, прикладного и социального знания»⁹³. Деятели КЕПС считали, что ценности природы только через деятельность человека превращаются в ценности культуры, и поэтому ставили задачу изучения отдельных сторон народно-хозяйственной жизни⁹⁴. Всплеск интереса к Северу во время Первой мировой войны, захвативший и центральные организации, и, в определенной мере, правительство, не вылился в организацию масштабных исследований, которые в военной обстановке были невозможны. В период Гражданской войны и иностранной интервенции обособление Архангельской губернии от центральной власти делало возможным также только небольшие региональные исследования рыбных ресурсов и их использования для продовольственного снабжения.

Становление морских рыбохозяйственных исследований в первые годы Советской власти

Советское правительство активно и успешно использовало проекты «мобилизации прикладной науки», возникшие в период Первой мировой войны⁹⁵, поэтому при описании взаимоотношений морских исследований, рыбохозяйственной науки и рыболовства в советский период, необходимо в первую очередь подчеркнуть непрерывность перехода от дореволюционной науки к послереволюционной, что определялось, прежде всего, ограниченным составом специалистов, многие из которых остались на своих рабочих местах. Сохранились и некоторые общества, в первую очередь чисто научные, не связанные напрямую с хозяйственной деятельностью: Географическое общество, связанные с университетами общества естествоиспытателей. В то же время, Общество рыбоводства и рыболовства, Общество судоходства, Общество акклиматизации животных и растений, имевшее Отдел ихтиологии, которые служили организаторами прикладных исследований и имели среди своих членов большое число чиновников, промышленников и помещиков, перестали существовать.

---

⁹³ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1968. С. 115.

⁹⁴ Там же. С. 116; Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 16.

⁹⁵ См. для сравнения: Елина О.Ю. Мир, война и «туковый вопрос»...

После революции новые исследовательские институты стали расти как грибы — словно в стране изменился климат⁹⁶. Созданный в декабре 1917 г. ВСНХ с первых шагов по организации промышленности столкнулся с необходимостью развертывания прикладных исследований⁹⁷. Как и в других отраслях науки, новые учреждения стали возникать и в области научно-промысловых исследований. Но если посмотреть на эти институты более внимательно, хорошо видно, что первая волна этих учреждений была воплощением идей, выношенных и созревших еще до революции, главным образом, в годы Первой мировой войны, и реализовывались эти идеи все теми же людьми, которые пытались реализовать их при царском правительстве и терпели неудачи из-за бюрократии и подозрительного отношения к науке со стороны этого правительства.

Борьба за Север в период интервенции подогрела и так возросший во время войны интерес к его исследованию. Еще в начале 1919 г. в Петрограде при Научно-техническом отделе ВСНХ была организована Комиссия по изучению и практическому использованию производительных сил Севера⁹⁸, в которую вошли представители ВСНХ и Наркомата торговли и промышленности, Полярной комиссии АН, КЕПС и ее Северного отделения, Геологического комитета и Комитета земледелия, Наркомата просвещения⁹⁹. Управление Северной научно-промысловой экспедиции в первый год ее существования было сосредоточено в помещении Полярной комиссии АН¹⁰⁰.

⁹⁶ Александров Д. А. Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Ред. Э.И. Колчинский, М. Хайнеманн. СПб., 2002. С. 152–165.

⁹⁷ Стрекотытов С. П. Органы государственного руководства наукой... М., 1987. С. 45.

⁹⁸ Из протокола заседания коллегии НТО ВСНХ об утверждении Положения о Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера // Организация науки в первые годы Советской власти... С. 311–312.

⁹⁹ [Выписка из Протокола № 1 первого заседания Комиссии по изучению и практическому использованию производительных сил Севера, состоявшегося 3 февраля 1919 г.] // РГАЭ. Ф. 466. (Личный фонд Р.А. Самойловича). Оп. 1. Д. 285 (Выписки из протоколов заседаний Комиссии по изучению и практическому использованию производительных сил Русского Севера № 1–7 за февраль–март 1919 г. и проект положения о комиссии. 1919 г.). Л. 1–3.

¹⁰⁰ Постоянная Полярная комиссия Академии Наук СССР // Советский Север. 1930. № 1. С. 137–140.

К работе комиссии был привлечен бывший начальник Главного Гидрографического управления, человек, много сделавший для гидрографии севера, М.Е. Жданко¹⁰¹ и ихтиолог П.Ю. Шмидт, проводивший весной 1918 г. обследование мурманских рыбных промыслов. Секретарем комиссии был избран Рудольф Лазаревич Самойлович, полярный геолог, участник экспедиции В.А. Русанова на Шпицберген в 1912 г. После гибели Русанова он возглавил освоение шпицбергенских угольных месторождений в 1913–1916 гг. В годы войны он занимался разработкой месторождений различных полезных ископаемых на Севере. В сентябре 1919 г. он принимал участие в Кооперативном съезде, проходившем в Петрограде¹⁰², много писал о необходимости изучения и развития горнорудных, рыболовных, лесных и прочих промыслов Севера.

Комиссия по изучению и практическому использованию производительных сил Севера имела целью согласование деятельности различных ведомств и учреждений по изучению Русского Севера, разработку планов экспедиций на Север, в том числе морских¹⁰³. Однако до начала 1920 г. выхода к европейским северным морям у Советской России не было.

За два дня до вступления советских войск в Архангельск В.И. Ленину была послана телеграмма от Особой комиссии Северного фронта, в которой была признана необходимой организация специального междуведомственного органа для руководства хозяйственной и исследовательской деятельностью на Севере. Ленин переслал ее в Президиум ВСНХ¹⁰⁴. Инициатива создания нового учреждения исходила от ученых, давно связавших свою деятельность с Севером, подолгу там живших и работавших, бывших активными членами АОИРС, но, при этом, не сочувствовавших Временному правительству Северной области. Это были: Р.А. Самойлович, С.В. Керцелли — ветеринарный врач, занимавшийся проблемами оленеводства, и геолог Н.А. Кулик.

¹⁰¹ Жданко М. Северная научно-промысловая экспедиция // Природа. 1921. № 1–3. С. 87–88.

¹⁰² [Доклад Р.А. Самойловича «Полезные ископаемые Северной области и использование их кустарной промышленностью», написанный для кооперативного съезда Северной области 5–10 сент. 1919 г.] // РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 224.

¹⁰³ [Проект положения о Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера при НТО ВСНХ] // РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 285. Л. 4.

¹⁰⁴ См.: Организация науки в первые годы Советской власти... С. 313–318; Белов М.И. Советское арктическое мореплавание, 1917–1932 гг. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. Л., 1959. С. 64.

Согласно постановлению Президиума ВСНХ от 4 марта 1920 г. Северная научно-промысловая экспедиция создавалась «в целях научно-практических исследований и попутного использования естественных производительных сил, по преимуществу звериных, рыбных промыслов и оленеводства на Крайнем Севере»¹⁰⁵. Экспедиция организовывалась с большим размахом как крупное государственное учреждение, управляемое из центра и имеющее филиалы во всех районах Севера. Принадлежность к высшему хозяйственному органу страны должна была гарантировать прочность и долговременность задуманного научного учреждения. Экспедиция считалась ударным учреждением государственного значения, на обеспечение ее работы выделялись значительные средства. Во главе экспедиции стоял Ученый совет, почетным председателем которого был президент АН А.П. Карпинский. В Совет входили крупные ученые, которые работали в КЕПС: А.Е. Ферсман, Н.М. Книпович, Ю.М. Шокальский, К.М. Дерюгин, А.С. Берг и др.

Первое заседание Совета экспедиции прошло в здании Географического общества, на нем был выбран распорядительный орган экспедиции — президиум, возглавляемый Р.Л. Самойловичем. Экспедиция была организована как комплексное учреждение: в ее состав входили отдельные отряды, занимавшиеся геологическими, гидрологическими, ботаническими, ихтиологическими, экономическими, этнографическими исследованиями.

Самойлович был председателем и так называемого Межведомственного совещания при экспедиции, в состав которого входили представители местных архангельских военных и хозяйственных учреждений. В Архангельске же находилось и хозяйственное управление экспедиции. Таким образом, Самойловичу удалось связать в деятельности одного учреждения маститых столичных профессоров и местных архангельских краеведов. Поскольку в стране остро стояла продовольственная проблема, основное внимание морских исследований экспедиции было направлено на изучение рыбных ресурсов и развитие рыбного промысла.

Переговоры по снабжению Севэксспедиции научным и промысловым инвентарем и углем весной 1920 г. велись в Норвегии. Но они были неудачны. Ответственный за эти переговоры Л.Л. Брейтфус писал в Петербург, что получить уголь и приборы совершенно невозможно: «Приборы Норвегия получала из Германии, которая сейчас еще не наладила

¹⁰⁵ Там же. С. 125.

их производство... даже нейтральные государства по причине отсутствия угля и инструментов не могут приступить к международным исследованиям северных морей»¹⁰⁶.

Один из отрядов экспедиции, как и в 1920 г., был сформирован при Мурманской станции. Ученый совет станции предложил начальнику этого отряда Ключе попытаться организовать «работы по Кольскому меридиану, имеющие чрезвычайно важное значение не только для выяснения вопросов гидрологии и биологии Баренцева моря, но и для вопросов общей климатологии всего нашего Севера»¹⁰⁷. Выполнение этих исследований хорошо вписывалось в новый курс развития станции, согласно которому попутно с продолжавшимися теоретическими исследованиями, было предложено обратить особое внимание на выполнение практических заданий, тесно связанных с промыслами и являющихся продолжением работ Мурманской научно-промысловой экспедиции¹⁰⁸.

Это изменение в направлении работы Станции является очень важным. В дореволюционный период, несмотря на тесные контакты с Мурманской научно-промысловой экспедицией во время ее деятельности и полученное наследство в виде научного оборудования после ее ликвидации, станция никогда не считала себя преемницей экспедиции, скорее наоборот, всячески старалась подчеркнуть свое отличие и свои преимущества как стационарного учреждения. Нацеленность на практические задачи, которая впервые проявилась в планах работ станции во время войны, стала основным способом ее выживания в советских условиях.

Интересно отметить, что все, как вновь возникшие, так и возрождавшиеся учреждения, которые ставили своей задачей биологические исследования северных морей, постоянно декларировали свою преемственность Мурманской экспедиции: Северная научно-промысловая экспедиция самим своим названием, Плавающий морской научный

---

¹⁰⁶ Жданко М. Из научных работ на Ледовитом океане // Природа. 1921. № 1–3. С. 82.

¹⁰⁷ Дерюгин К.М. Баренцово море по Кольскому меридиану (33 0 30' в.д.) // Труды Северной Научно-Промысловой Экспедиции. Вып. 19. М.; Л., 1924. С. 3.

¹⁰⁸ Ключе Г.А. Исторический очерк развития Мурманской Биологической Станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей // Работы Мурманской биологической станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей. Т. 1. Л., 1925. С. 15.

институт — прямыми ссылками на преемственность программы исследований и акцентом на исследования удаленных районов с борта хорошо оснащенного судна, Мурманская станция — возрождением рейсов по Кольскому меридиану.

Первые два рейса по Кольскому меридиану были проведены в мае и августе 1921 г. Так как ни у станции, ни у Северной экспедиции не было собственного судна, проведение «международных» рейсов стало возможным только благодаря помощи со стороны военных. Первый рейс выполнялся на военном судне «Соколица», предоставленном с разрешения командующего морскими силами в Северном Ледовитом океане¹⁰⁹. Подготавливая августовский рейс, Дерюгин и Ключе посетили командующего, а затем он нанес ответный визит на станцию и распорядился передать ученым во временное распоряжение военный тральщик № 21. Северная экспедиция дала уголь и продовольствие.

Для подчеркивания значимости своих исследований в глазах военных патронов ученые пользовались риторикой важности международных связей — рейсы продолжали называться «международными», несмотря на то, что Россия уже не входила в Международный совет по исследованию моря. Считалось, что эти «международные» рейсы имеют «важное государственное значение»¹¹⁰. Ученые во главе с Книповичем надеялись, что Россия вернется в Совет. Поэтому они по собственной инициативе решили возобновить рейсы по Кольскому меридиану, подобно тому, как поступил Книпович в 1900 г., начав проводить регулярные рейсы по программе Совета еще до формальной его организации.

После того, как летом 1921 г. успешно было проведено два рейса, Книпович 10 октября обратился с запиской к Ленину с просьбой найти возможность вернуть Совету конфискованный взнос за 1913–1914 гг.¹¹¹ В начале 1922 г. СНК принял постановление о желательности возобновления участия в Совете и о принципиальной возможности возвра-

¹⁰⁹ *Дерюгин К.М.* Сравнительная оценка результатов гидрологических разрезов по Кольскому меридиану // Работы Мурманской биологической станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей. Т. 1. 1925. С. 131.

¹¹⁰ Там же. С. 137.

¹¹¹ Письмо Н.М. Книповича В.И. Ленину от 10 октября 1921 г. // Ленин и Академия наук: Сб. док. М., 1969. С. 219–220.

щения долга при условии этого возобновления¹¹². Но решение вопроса застопорилось из-за того, что у России не было дипломатических отношений с Данией, ведавшей всеми сношениями по делам Совета. Хотя возвращение России в Совет было отложено до лучших времен, Мурманская станция продолжала проводить исследования по Кольскому меридиану, но Книпович больше не принимал в этом участия. Его интересы опять сместились в сторону южных морей.

В первые годы Советской власти рыбохозяйственные исследования в северных морях проводили научные организации разных институциональных форм и ведомств. Северная научно-промысловая экспедиция — многолетняя экспедиция, организованная при ВСНХ с привлечением самых лучших научных кадров и относительно хорошо финансирувавшаяся, быстро превратилась в научно-исследовательский Институт по изучению Севера, сохранивший все многообразие тем исследований, которые были представлены в экспедиции. Сезонные экспедиции центральных институтов, таких как Институт рыбного хозяйства и Отдел научно-промысловых исследований Государственного института опытной агрономии выполняли важные задачи по сбору научного материала, подчас в труднодоступных районах. Биологические станции: Мурманская станция и станция Института по изучению Севера в Порчницах вели локальные, но зато круглогодичные и многолетние исследования биологии промысловых рыб.

Ресурсы Баренцева моря изучались главным образом организациями Северо-западного региона страны с центром в Ленинграде. Московские институты не занимали лидирующего положения. Созданный в 1921 г. в Москве для изучения арктических морей Плавморнин проводил в основном фундаментальные исследования и почти не участвовал в решении рыбохозяйственных вопросов. Накопленные его сотрудниками знания по океанографии и биологии Баренцева моря, комплексный подход к исследованиям и разработанные количественные методы в гидробиологии оказались востребованы позднее в период индустриализации, когда на базе Плавморнина был организован Государственный океанографический институт с отделением на Мурмане.

---

¹¹² Организация науки в первые годы Советской власти. С. 397. См. также: Записка В.И. Ленина Н.П. Горбунову от 26 октября 1921 г. // Ленин и Академия наук. С. 220–221.